

КАФКИАНСКАЯ ПОЭТИКА В «ДНЕВНИКАХ СТРАННОЙ ВОЙНЫ» Ж.-П. САРТРА

Наталья Сергеевна Шуринова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

E-mail: interjectio@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуются интертекстуальные переклички «Дневников странной войны» Ж.-П. Сартра с произведениями Ф. Кафки. В ходе анализа мы рассматриваем характер исторической ситуации, обусловивший обращение Сартра к кафкианским реминисценциям, и смысл отсылок, связывающих описание войны в дневниках с художественным миром Кафки. Анализ позволяет сделать вывод об особом видении кафкианских сюжетов Сартром и своеобразии их прочтения в военных дневниках.

Ключевые слова: Ж.-П. Сартр, Ф. Кафка, интертекст, дневник, авторская рецепция.

Франц Кафка относится к писателям, которых сложно причислить с определенностью к какому-либо литературному направлению. Как верно указывает А.М. Карельский, «на самом деле его некуда пристроить – ни в какой “изм” его эпохи» [Карельский, с. 241]. Однако творчество автора заметно повлияло на культуру XX века, оно сопоставимо с такими течениями, как модернизм, сюрреализм, экспрессионизм. В данной статье мы обратим внимание на особенности военных дневников крупнейшего философа-экзистенциалиста Ж.-П. Сартра в связи с их переключками с текстами Ф. Кафки.

На идейную близость Кафки и экзистенциализма указывают многие критики. Творчество писателя может анализироваться непосредственно в контексте данного направления. Например, В. Кауфман в работе «Экзистенциализм от Достоевского до Сартра» рассматривает литературную и философскую линии течения, а также авторов-предшественников, оказавших влияние на его становление. В ряды экзистенциалистов в его концепции попадают также Р.М. Рильке и Ф. Ницше [Kaufmann]. А. Тимар указывает на то, что работы Кафки были «поочередно положительно восприняты сначала сюрреалистами, а затем экзистенциалистами» [Timar, p. 7]. Т.И. Бачелис в статье, посвященной драматургии Сартра, замечает:

«Романы Кафки – “Процесс” и особенно “Замок” – это точка, где экспрессионизм, дойдя до своего апогея и исчерпав себя, сразу же излился в экзистенциалистском мироощущении» [Бачелис, с. 143]. А. Камю в работе «Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки» говорит о том, что автор вписывается в традицию экзистенциальной мысли, так как его символика связана с обыденной жизнью и «сверхбытийным беспокойством» [Камю].

Сартр, считавший Кафку своим «литературным учителем» наряду с У. Фолкнером и Э. Хемингуэем, нередко сам интерпретировал его сочинения. Например, в работе «Что такое литература» писатель утверждает, что в книгах Кафки «описан человеческий удел», особенно глубоко экзистенциальные проблемы затрагиваются в романе «Процесс» [Сартр 1999, с. 197]. В первом томе «Ситуаций» Сартр пишет о том, что поэтический мир Кафки представлял собой новый виток развития фантастического романа, в котором фантастика становится средством изображения мира бюрократизма, обесмысливающего действия отдельного человека. Мир «Замка» метафорически обрисовывает трансцендентную реальность, которая не может быть истолкована просто при помощи аналогий из реальной действительности: «Для Кафки <...> существует некая трансцендентная реальность, но она остается недостижимой и служит

лишь для того, чтобы дать нам еще острее ощутить заброшенность человека» [Sartre 1947, p. 126].

Однако творчество Кафки для Сартра явилось не только художественным фундаментом для философских размышлений, оно также особым образом преломляется и в его литературных текстах. Благодаря данному обстоятельству можно говорить как об идейной близости Сартра и Кафки, так и о кафкианской поэтике в отдельных произведениях Сартра. Художественное сближение проявляется в ряде аллюзий: явные и скрытые отсылки дают представление о характере сартровской рецепции произведений Кафки. Это делает актуальным более детальный интертекстуальный анализ текстов Сартра, способствующий уточнению диалогических пересечений двух авторов, в ходе которых возникает то, что М.М. Бахтин называл «великим интертекстом» культурной традиции XX века.

В этом смысле репрезентативны военные дневники Сартра. Э. Лик настаивает на том, что они интересны именно с точки зрения их литературности: философские размышления «включаются в поразительно карнавальный текст, который насыщен огромным количеством интертекстуальных отсылок, порой удивляющих» [Leak, p. 972]. Во время войны писатель активно читает произведения Кафки – указания на данный

факт присутствуют непосредственно в тексте дневников: сначала он прочитывает «Процесс» и «В исправительной колонии», затем «Замок». Вместе с тем толчком к использованию кафкианской символики послужила сама «странная война», которую Сартр застаёт, оказываясь во французской армии.

Термином *la drôle de guerre* («странная война») обозначается начальный период Второй мировой на Западном фронте с момента объявления войны фашистской Германии Францией и Великобританией 3 сентября 1939 года и немецким наступлением 10 мая 1940. Выражение *phoney war* («фальшивая война») было употреблено в 1939 году американскими журналистами, описывавшими характер французских и английских военных действий, которые практически не велись, за исключением нескольких столкновений. Затем оно превратилось в *la drôle de guerre* («странную войну») в интерпретации французского журналиста Р. Доржелеса, видимо, ошибочно принявшего английское слово *phoney* за близкое по звучанию *funny*, которое и переводится как *drôle* («странная», «смешная»).

С началом войны официальная позиция французского министерства обороны состояла в том, что войну можно выиграть без кровопролитных жертв, необходимо стратегическое выжидание. Тем временем

оппозиционеры настаивали на установлении мира с Германией. Многие молодые писатели и мыслители вынуждены были отправиться на фронт, где они долгие месяцы проводили в бездействии и ожидании. Те, кто по разным причинам не мог быть мобилизован, остались в тылу и испытали на себе последствия перемен, связанных с развязыванием войны, – ужесточение цензуры, засилье пропаганды, объявление ложных тревог и т.д. Эта ситуация произвела парадоксальный эффект: настоящая «война» шла в тылу, а не на передовой. Э.П. Юровская в своей книге «Жан-Поль Сартр. Жизнь, философия, творчество» констатирует, что за время странной войны «дивизион Сартра не сделал не единого выстрела» [Юровская, с. 41]. Читая письма от С. де Бовуар, Сартр замечает: «*Les lettres du Castor me bouleversent. J'ai l'impression que c'est moi qui ai la meilleure part. Je m'en veux de ne pouvoir souffrir avec elle et pour elle*» [Sartre 2010, p. 156]¹. Он словно остается в стороне от развития событий, узнавая обо всем по слухам, из газет, писем или по радио: «*Je lis dans Paris-Soir que Giono est arrêté pour défaitisme*» [Sartre 2010, p. 58]².

При этом на фронт Сартр отправился в сос-

¹ «Потрясен письмами Бобра. Создается впечатление, что мне здесь полегче. Я злюсь на себя, что не могу страдать вместе с ней и ради нее» (здесь и далее в тексте дневников перевод О. Волчек и С. Фокина; стр. 29).

² «Прочел в «Пари-суар», что Жионо арестован за по-раженчество» (стр. 33).

тоянии идейной неопределенности. Позиция его была скорее антимилитаристской, Мюнхенское соглашение и «предательство Чехословакии» в 1938 году он не поддержал, на войне писатель оказался скорее вопреки самому себе. А. Алькаим-Сартр в предисловии к дневникам пишет: «Ему не удавалось осмыслить эту войну, он и не протестовал против нее, и не был полностью убежден в ее необходимости; он пассивно принял мобилизацию» [Алькаим-Сартр, с. 7]. Кроме того, война означала возможность уникального опыта – увидеть историю в момент ее совершения, оказавшись с ней лицом к лицу. До этого Сартр никогда не видел военных действий: 1914 год представлял собой для него нечто далекое и почти мифическое. Но эта война давала шанс принимать в ней участие, проживать ее как историческое событие и условие, позволяющее испытать собственную мужественность. Однако этот опыт писателю не удался: война Сартра оказалась фальшивой, все, что ему довелось увидеть, был военный мир сего театрализованного устройства и ожиданием настоящего наступления.

Именно в связи с этим в дневниках возникает кафкианская аллюзия, описывающая ситуацию призрачной недостижимости: «*Une guerre à la Kafka. Je n'arrive pas à la sentir, elle me fuit*» [Sartre 2010, p. 157]³. Приведенная цитата не

³ «Война в духе Кафки. Мне никак не удастся ее почувствовать, она от меня ускользает» (стр. 31).

восходит к какому-то определенному произведению Кафки, она опирается скорее на общую поэтическую особенность и может связываться в равной степени со многими текстами. Д.В. Затонский в работе «Кафка и проблемы модернизма» акцентирует «ненормальную непостижимость» таинственной фантастической реальности в произведениях автора, «туманность всего социально-исторического фона» [Затонский, с. 83]. Ирреальность изображаемого можно считать перманентной чертой мира Кафки. Это ощущение фантастичности рождается благодаря неповторимой поэтике абсурда, которая основывается на противоречии между логической строгостью языка и нереальностью изображаемого. Согласно А.В. Карельскому, Кафка, «сохранив всю традиционную структуру языкового сообщения, его грамматико-синтаксическую связность и логичность, связность языковой формы, воплотил в этой структуре кричащую, вопиющую нелогичность, бессвязность, абсурдность содержания» [Карельский, с. 242].

Данная особенность представляет интерес как для Сартра в частности, так и в целом для экзистенциализма, рассматривающего бытие человека, «выброшенного» в действительность абсурдного мира. На страницах дневников Сартр неоднократно использует выражение *la guerre fantôme* («призрачная война»), *la guerre insaisissable*

или *la guerre introuvable* («неуловимая война»). Следуя «духу Кафки», Сартр характеризует функционирование военной иерархии: «*Curieux désordre militaire qui est le contraire de l'anarchie et qui vient de ce que les ordres se transmettent avec une totale rigidité du chef supérieur aux caporaux en passant par tous les degrés de la hiérarchie. Les ordres différents ne se composent jamais: ils interfèrent*» [Sartre 2010, p. 160]¹. Данный пассаж Сартра вполне сопоставим, например, с описанием работы канцелярии из романа «Замок»: «Канцелярский аппарат не может больше выдержать напряжения, когда его из года в год долбят по поводу одного и того же <...> дела, и вдруг этот аппарат сам собой, без участия чиновников, это дело закрывает. Разумеется, никакого чуда тут не происходит, просто какой-нибудь чиновник пишет заключение о закрытии дела, а может быть, принимается и неписаное решение, и невозможно установить <...> какой именно чиновник принял решение по данному делу и на каком основании» [Кафка, с. 106]. Аналогия с «Заком» проявляется еще и в том, что Сартр ассоциирует себя с землемером, преследуемым

¹ «Забавный военный беспорядок, который является противоположностью анархии и происходит из-за того, что приказы передаются со всей строгостью, переходя через все уровни иерархии, от высшего командования до капралов. Различные приказы никогда не складываются в нечто целое: они накладываются друг на друга» (стр. 36).

«помощниками», как он называет своих ближайших товарищей среди сослуживцев: «Toujours freiné naturellement par les acolytes (on dirait les Aides du *Château de Kafka*)» [Sartre 2010, p. 205]¹.

Реальность, противящаяся познанию, подвергает человека в состояние эпистемологической неуверенности. Это верно как для Кафки, так и для Сартра. В военных дневниках разносящиеся по фронту слухи описываются иронично. Их источники всегда остаются сокрытыми, не позволяя судить о возможных мотивах отправителя сообщения: «...un artificier nous dit que les soldats qui mettaient des fils de fer barbelés à l'entrée du pont de Keln, la nuit, ont entendu les Allemands qui leur disaient en bon français: "Qu'est-ce que vous faites? Nous n'avons pas envie d'aller chez vous"» [Sartre 2010, p. 204]². Это вызывает сомнение в правдивости уже любой информации вообще: «Pieter se penche sur lui, lit par-dessus son épaule et m'appelle: "Oh dis donc! Vingt-cinq pour cent des soldats allemands de la ligne Siegfried sont malades". Moi (qui suis pourtant assez crédule à l'originnaire), devant ce canard: "Qu'ils disent!"» [Sartre 2010, p. 170]³.

¹ «Естественно, мне по-прежнему мешали приспешники (можно было бы сказать, Помощники по Кафке)» (стр. 98).

² «...один подрывник говорит нам, что солдаты, которые натягивали ночью колючую проволоку у Кельнского моста, слышали, как немцы говорили им на хорошем французском: "Что вы делаете? Мы не собираемся на вашу сторону"» (стр. 96).

³ «Петер наклоняется над ним, читает через плечо и

Вместе с тем тексты Кафки часто прочитываются как антиутопии, в них усматривается острая социальная критика, прописывающая безликость и всеохватность автоматизированной государственной машины. И.И. Гарин говорит о том, что болезненно-абсурдное восприятие мира в произведениях Кафки является «единственной нормальной реакцией на больной мир» [Гарин, с. 674]. Бачелис замечает, что кафкианский маленький человек преследуем государством «только за стремление понять – не восстать! – а именно понять происшедшие изменения в его бытии» [Бачелис, с. 143]. Рассказ «В исправительной колонии» изображает жестокость карательного механизма, символом которого становится пыточное приспособление, применяемое для приведения в исполнение смертного приговора. В «Процессе» описывается бутафория недоступного для понимания судопроизводства и постепенное разрушение личности главного героя, который в финале вынужден прийти к признанию собственной виновности.

В случае с Сартром сравнение войны с пространством произведений Кафки соответствует абсурду военной системы как

кричит мне: "Вот это да! Двадцать пять процентов немецких солдат на линии Зигфрида больны". Я (обычно довольно доверчивый) откликаюсь на эту "утку": "Да слушай их!" После чего Савонарола, до того ничего не говоривший, бросает на меня дружелюбный и уважительный взгляд, завязывает разговор» (стр. 50).

механизму умаления свободы личности. В дневниках автор подробно разбирает организацию мира войны, принципиально отличного от мира гражданской жизни. «La guerre est un socialisme, – пишет он. – Elle réduit la propriété individuelle de l'homme à rien et elle la remplace par la propriété collective» [Sartre 2010, p. 148]¹. Этот мир гипертрофированного социализма не предоставляет человеку права на личную собственность, всем завладевает призрачный военный коллектив. Установление близкого контакта с другим человеком, возможность привязаться к нему точно так же исключается по причине полной безличности коллектива. В условиях войны происходит трансформация «последнего смысла» любого предмета: если в мирное время вещи служили для того, чтобы защищать человеческую жизнь, то теперь они в конечном итоге будут использованы для разрушения. Даже такие предметы, которые когда-то защищали, перестают быть таковыми из-за того, что изменяется их конечная цель: «La protection elle-même n'est là que pour la destruction» [Sartre 2010, p. 148]².

На войне к человеку относятся как к «машине», работа которой нацелена на разрушение, не переставая видеть в нем «un être psychique sensible aux cérémonies»

¹ «Война – это социализм. Она сводит индивидуальность человека к нулю и заменяет ее собственностью коллектива» (стр. 17).

² «Самая защита здесь лишь для разрушения» (стр. 18).

[Sartre 2010, p. 151]³: сакрализация действий на фронте направлена на то, чтобы навязать военные правила поведения и воинский дух. Солдат вынужден и относиться к себе двояко, как к машине и как участнику ритуала, что в результате влечет за собой полную утрату человеческого достоинства и тотальную отчужденность при обнаженности перед другими, невозможности уединения: «Partout il se sent vu, regardé, écouté – avec nonchalance d'ailleurs – partout on le harcèle dans sa solitude et on empêche celle-ci de devenir une source positive de profit d'invention» [Sartre 2010, p. 153]⁴. «Война овеществляет человека, – комментирует С.Л. Фокин, – она его обезличивает, из индивида она делает типа» [Фокин, с. 794].

При этом война мыслится как явление всеохватное: ее неприятие антимилитаристами не избавляет их от вовлечения в военный мир. Всякий, кто застает войну, начинает существовать ради нее. Сам «способ бытия» определяется в данном случае ситуацией, становится «военным»: «À travers ce que je perçois, cette table ou cette pipe, je pense la guerre; la manière dont je pense et dont je perçois cette table et cette

³ «психическому существу, восприимчивому к церемониалу» (стр. 22)..

⁴ «Человек повсюду чувствует, что его видят, разглядывают, слушают – впрочем без особого внимания, – повсюду человека изводят в его одиночестве и препятствуют тому, чтобы одиночество стало позитивным источником какой-то пользы» (стр. 25).

pipe est “de guerre” – enfin *la façon dont cette table et cette pipe se donnent à moi est de guerre*» [Sartre 2010, p. 179]¹.

Однако заметим, что характерная для Кафки тематика не достигает в дневниках Сартра универсального символического масштаба. Меж тем для Кафки символ благодаря своей семантической емкости является одним из амых значимых изобразительных средств. Согласно В. Беньямину, «действие романов Кафки разыгрывается в мире первобытных болот» [Беньямин]. М. Бланшо уверяет, что тексты автора «представляют собой потрясающие примеры аллегии, символа, <...> что неминуемо в силу характера его мысли» [Бланшо, с. 60]. Интерпретации символического кода в творчестве Кафки разнообразны и многогранны: в нем могут усматриваться теологический, мифологический или даже мистически окрашенный подтекст.

Сартр же скорее описывает кафкианский мир, чем собственно изображает его, символическая многозначность в данном случае минимально значима. Война для Сартра – это определенная ситуация, которую необходимо понять, увидеть «изнутри», в деталях, выработать свое отношение к ней. Писательство и ведение военного

¹ «Через то, что я воспринимаю – этот стол или эту трубку – я мыслю войну; способ, при помощи которого я мыслю и воспринимаю этот стол и эту трубку, является «военным» – в конечном итоге способ, которым этот стол и эта трубка даны мне, является военным» (стр. 60).

дневника для автора было прежде всего личным выбором в историческом моменте или, как пишет Р. Кимбалл, «первой формой реагирования на жизненные изменения» [Kimball, p. 73].

Ж.-Ф. Луэтт демонстрирует, что личный дневник под пером Сартра превращается во «внешний» («extime»): писатель старается избежать интроспективного самоописания, концентрируясь на конкретно-историческом бытии, анализе современной ему обстановки. Нельзя не отметить, что сам дневниковый жанр навязывает документальность, снятие дистанции между временем события и его описанием. Это позволяет Сартру сделать из дневника свидетельство очевидца, где размышления о войне привязаны к переживаемому мгновению. В них сочетается аналитичность, предполагающая прямой и определенный язык логических категорий, а также новеллистические наблюдения над своим и чужим поведением на войне. Анализ военного мира подается как ряд подпунктов с выделением аспектов и вытекающих из них следствий, снабженный примерами и комментариями: «*Une camaraderie très particulière. Pas d'amitié individualisée. Pas de choix. <...> Chacun a son pays individuel et dont il ne parle guère – sauf aux moments de cafard ou d'exubérance – mais on communique par la nudité et les faiblesses humaines*» [Sartre 2010, p. 155]².

² «Весьма своеобразное товарищество. Никакой индивидуальной дружбы. Никакого выбора. <...> У каж-

Подводя итог, скажем о том, что отсылки к Кафке являются важным компонентом сартровских дневников. Начало Второй мировой войны на Западном фронте, получившее название «странной войны», интерпретируется писателем в духе художественного мира произведений Кафки. Точками пересечения становятся призрачная неуловимость «фальшивой» войны, громоздкость иерархического аппарата, абсурд военной организации, тотальное недоверие к действительности ввиду ее непознаваемости, а также антиутопические мотивы, связанные с овеществлением человека через приобщение его к сакрализованному миру военной муштры. Однако универсальный символизм Кафки автору дневников не свойственен: Сартр описывает войну скорее как явление историческое, которое существует в строго определенный момент времени.

Кроме того, в ходе анализа мы отметили как явные (сравнения), так и скрытые отсылки к Кафке (стилизации), а также моменты, демонстрирующие сходство в идейных позициях писателей. Это говорит о многообразии возможных пересечений между Сартром и Кафкой, которые не исчерпываются рамками настоящей статьи.

дого есть свои родные места, о которых не принято говорить – разве что когда затоскуешь или дашь волю чувствам – но общение идет через обнаженность и человеческие слабости» (стр. 28).

Литература и источники

Алькаим-Сартр А. Предисловие к Дневникам странной войны / Алькаим-Сартр А. // Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). Перевод О. Волчек и С. Фокина. СПб: «Владимир Даль», 2002. С. 5-9.

Бахтин М.М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 6-71.

Бачелис Т.И. Интеллектуальные драмы Сартра / Бачелис Т.И. // Современная зарубежная драма. М.: Издательство академии наук СССР, 1962. С. 132-218.

Беньямин В. Франц Кафка [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.kafka.ru/kritika/read/franz-kafka/5>, свободный (дата обращения: 29.12.2015).

Бланишо М. От Кафки к Кафке. М.: Логос, 1998. 239 с.

Гарин И.И. Век Джойса. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2002. 848 с.

Затонский Д.В. Франц Кафка и проблемы модернизма. М.: Высшая школа, 1972. 136 с.

Камю А. Надежда и абсурд в творчестве Франца Кафки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kafka.ru/kritika/read/nadezhda-i-absurd>, свободный (дата обращения: 29.12.2015).

Карельский А.В. Лекция о творчестве

Франца Кафки // Карельский А.В. Иностранная литература. 1995. №8. С. 241-248.

Кафка Ф. Собр. соч. В 5 тт. СПб.: Азбука, 2012. Т. 5. 560 с.

Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). Перевод О. Волчек и С. Фокина. СПб.: «Владимир Даль», 2002. 813 с.

Сартр Ж.-П. Что такое литература? Перевод с фр. Н. Полторацкой // Сартр Ж.-П. Что такое литература? Слова. Мн.: ООО «Попурри», 1999. С. 6-258.

Фокин С.Л. Автопортрет философа на фоне войны: Жан-Поль Сартр и его дневники / Фокин С.Л. // Сартр Ж.-П. Дневники странной войны (сентябрь 1939 – март 1940). СПб.: «Владимир Даль», 2002. С. 758-813.

Юрковская Э.П. Жан-Поль Сартр: жизнь, философия, творчество. СПб.: Петрополис, 2006. 128 с.

Kaufmann, W. (1957). Existentialism from Dostoevsky to Sartre. New York: Meridian books.

Kimball, R. (1985). The war according to Sartre. The New Criterion. 4, p. 73.

Leak, A. (1998). On writing, reflection and authenticity in Sartre's «Carnets de la drôle de guerre». The modern language review. 93, 4, pp. 972-984.

Louette, J.-F. (2010). La main extime de Sartre. In: J.-F. Louette, Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris: Gallimard, pp. XI-LIII.

Sartre, J.-P. (1947). Situations I [Situations I]. Paris: Gallimard.

Sartre, J.-P. (2010). Les carnets de la drôle de guerre. In: J.-P. Sartre, Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris: Gallimard, pp. 143-651.

Timar, A. (2000). Monter Kafka aujourd'hui? In: A. Timar, F. Kafka. Le procès. Traduction-adaptation de David Zane Mairowitz. Morlanwelz: Éditions Lansman, pp. 7-8.

References

Bachelis, T. (1962). Intellektualnyiye dramy Sartra [Intellectual Dramas of Sartre]. In: T. Bachelis, Modern Foreign Drama [Sovremennaya zarubezhnaya drama]. Moscow: Izdatelstvo akademii nauk SSSR.

Bakhtin, M. (1975). Problema soderzhaniya, materiala i formy v slovesnom khudozhestvennom tvorchestve [The Problem of Content, Material and Form in Verbal Art]. In: M. Bakhtin, Voprosy literatury i estetiki [Issues of literature and aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Benjamin, W. Frants Kafka [Franz Kafka] Available at: <http://www.kafka.ru/kritika/read/franz-kafka/5> (date of access: 25.11.2015).

Blanchot, M. (1998). Ot Kafki k Kafke [From Kafka to Kafka]. Moscow: Logos.

Camus, A. Nadezhda i absurd v tvorchestve Frantsa Kafki [Hope and the Absurd in the Work of Franz Kafka]. Available at: <http://www.kafka.ru/kritika/read/nadezhda-i-absurd> (date of access: 30.11.2015).

Elkaïm-Sartre, A. (2002). Predislovie k dnevnikyam strannoy voyny [Introduction to The War Diaries]. In: J.-P. Sartre, Dnevniky strannoy voyny (sentyabr 1939 – mart 1940) [The War Diaries (September 1939 – March 1940)]. St. Petersburg: Vladimir Dal.

Fokin, S. (2002). Avtoportret filosa na fone voyny: Zhan-Pol Sartr i ego dnevniky [The Self-portrait of the Philosopher against the background of the War: Jean-Paul Sartre and his War Diaries]. In: J.-P. Sartre, Dnevniky strannoy voyny (sentyabr 1939 – mart 1940) [J.-P. Sartre, The War Diaries (September 1939 – March 1940)]. St. Petersburg: Vladimir Dal.

Garin, I. (2002). Vek Dzhoisa [The Age of Joyce]. Moscow: TERRA-Knizhny klub.

Kafka, F. (2012). Sobraniye sochinenii. Tom 5. [Collected Works. Volume 5]. St. Petersburg: Azbuka.

Karelski, A. (1995). Lektsiya o tvorchestve Frantsa Kafki [Lecture on the Works of Franz Kafka]. Inostrannaya literatura. 8, pp. 241-248.

Kaufmann, W. (1957). Existentialism from Dostoevsky to Sartre. New York: Meridian books.

Kimball, R. (1985). The war according to Sartre. The New Criterion. 4, p. 73.

Leak, A. (1998). On writing, reflection and authenticity in Sartre's «Carnets de la drôle de

guerre». The modern language review. 93, 4, pp. 972-984.

Louette, J.-F. (2010). La main extime de Sartre. In: J.-F. Louette, Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris: Gallimard, pp. XI-LIII.

Sartre, J.-P. (1947). Situations I [Situations I]. Paris: Gallimard.

Sartre, J.-P. (1999). Chto takoe literatura? [What is Literature?]. In: J.-P. Sartre, Chto takoe literatura? Slova [What is Literature? The Words] Minsk: Popurri Ltd.

Sartre, J.-P. (2002). Dnevniky strannoy voyny (sentyabr 1939 – mart 1940) [The War Diaries (September 1939 – March 1940)]. St. Petersburg: Vladimir Dal.

Sartre, J.-P. (2010). Les carnets de la drôle de guerre. In: J.-P. Sartre, Les Mots et autres écrits autobiographiques. Paris: Gallimard, pp. 143-651.

Timar, A. (2000). Monter Kafka aujourd'hui? In: A. Timar, F. Kafka. Le procès. Traduction-adaptation de David Zane Mairowitz. Morlanwelz: Éditions Lansman, pp. 7-8.

Yurovskaya, E. (2006). Zhan-Pol Sartr: zhizn, filosofiya, tvorchestvo [Jean-Paul Sartre: Life, Philosophy, Works]. St. Petersburg: Petropolis.

Zatonski, D. (1972). Frants Kafka i problemy modernizma [Franz Kafka and the Problems of Modernism]. Moscow: Vysshaya shkola.

KAFKAESQUE POETICS IN J.-P. SARTRE'S WAR DIARIES

Nataliya S. Shurinova, 2nd year post-graduate student at Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; email: interjectio@yandex.ru

Abstract. The article explores intertextual references to the works of F. Kafka in J.-P. Sartre's war diaries. We consider the nature of the historical situation which determined Sartre's reminiscences of Kafka and the meaning of references which seem to connect the description of war in the diaries and Kafka's fictional world. This analysis leads the authors to the conclusion of a particular understanding of the Kafkaesque plots employed by Sartre and its original reception in the war diaries.

Key words: Sartre, Kafka, intertext, diary, reception.

